

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

К 200-летию Сёрена Кьеркегора и 100-летию Альбера Камю

НЕСДЕЛАННЫЙ ДОКЛАД, ИЛИ ПРИСТРАСТНЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ИТОГАХ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Н.М. СИДОРОВА

14 — 15 мая сего года в Москве, в Институте философии РАН прошла представительная и очень интересная конференция «*Ситуация выбора человека в современном трансформирующемся обществе*», которая, тем не менее, оставила чувство неудовлетворенности и породила много вопросов. На мой взгляд, причина такого диссонанса заключалась в том, что концептуализация проблемы выбора, осуществленная на высоком уровне, разворачивалась сама по себе, а «современное трансформирующееся общество», о котором иногда вспоминали докладчики, — само по себе. И экзистенциальный драматизм, который когда-то окрашивал мироотношение юбиляров — Кьеркегора и Камю, — практически отсутствовал в мирном течении конференции. Но обо всем по порядку.

23 доклада, сделанные за два дня работы конференции исследователями из Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, а также дискуссии с участием профессора этики теологического факультета Университета Упсалы (Швеция) Е. Намли предварил своим вступительным словом директор Института философии РАН академик **А.А. Гусейнов**. Отдав дань уважения выдающимся представителям экзистенциальной философской традиции Кьеркегору и Камю, отметив, что выбор — это, прежде всего, экзистенциальная *человеческая ситуация*, он структурировал весь массив будущих обсуждений с помощью нескольких принципиальных различий.

Во-первых, для сравнения и оценки нужна некая единая платформа, которая позволит преодолеть разнокачественность ситуаций выбора. Такой платформой является то, *что не выбирают*, и соотнесение с этими *невывираемыми* условиями, обстоятельствами и сущностями чрезвычайно важно. А.А. Гусейнов не детализировал эту мысль, но контрапунктом к ней стали доклады А.Л. Доброхотова, уделившего

много внимания теме судьбы, и Т.В. Зборовской*, посвятившей свое выступление высказываниям о себе людей, сознательно выбирающих иной пол, нежели полученный при зачатии. Во-вторых, со времен Аристотеля выбор рассматривался прежде всего как выбор средств. А цели? Есть ли такие *абсолютные* цели, которые занимают высшие позиции в иерархии и ни при каких обстоятельствах не могут стать средствами и предметом выбора? Этот вопрос заново ставит каждая следующая эпоха, для нас он особенно актуален. В-третьих, моральные ценности, которыми руководствуются при выборе, сами суть *результат выбора*, а именно: то, что мы выбираем, — это и есть добро, а чего избегаем — зло. В-четвертых, нет иного основания морали, кроме *свободы*, и иного основания свободы, кроме *морали*. Они опираются друг на друга и не существуют одна без другой.

В этих рамках и начало разворачиваться обсуждение проблемы выбора в первый день работы конференции.

Доклад **А.Л. Доброхотова** (профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», д.ф.н.) *«Кьеркегор и окрестности»* расширил «окрестности» до Античности не только потому, что с диссертации о Сократе начинается философское развитие Кьеркегора, но и потому, что Античность — это «наше всё», там закладываются основные темы европейской философии. И тема судьбы, центральная для греческих трагедий, как раз задает ситуацию выбора при наличии *невыбираемого*. Воля богов, которую нельзя изменить или отменить, доносится до человека через предсказание, но его надо понять, проинтерпретировать, и человек рождается в качестве субъекта именно в момент *онтологически неизбежного выбора*. А.Л. Доброхотов употребляет сильное выражение: «Культура Античности зависла в состоянии свободы, недетерминированности поступка». На бытовом уровне это проявляется в «психозе гаданий», на уровне философской рефлексии возможен вариант софистов, которые высоко ценят радикальность и порождающую силу выбора свободного человека, или Сократа, для которого выбор есть самоопределение человека в моральном пространстве. Платон в X главе «Государства» описывает выбор человеком следующего воплощения, а Аристотель разрабатывает аналитическую концепцию выбора. В любом случае, природа не делает выбор за человека, он не может переложить ответственность за решение и его последствия на Космос.

Асимметрия выбора между добром и злом была остро прочувствована Аврелием Августином, причем выбор — это не только и не столько рациональный акт, сколько выбор *веры*. Тема выбора практически исчезает из европейской средневековой философии

* См. развернутый текст выступления Т.В. Зборовской в этом номере журнала (см. С. 133).

и вновь возвращается в нее в XVI в. знаменитым спором между Лютером и Эразмом о свободе и предопределении. Далее А.Л. Доброхотов коротко останавливается на взаимосвязи актов личного решения и самопознания разума у Декарта, рассматривает опасность и рискованный выбор как необходимое условие становления героя во французском классицизме (см. «Сид» Расина), затрагивает идеи исторического детерминизма в философии XVIII в., упоминает Канта, в одной из ранних работ которого проводится мысль, что Откровение не исключает, а требует личностного отношения и выбора интерпретации. У представителей философии жизни А. Шопенгауэра и Ф. Ницше псевдорациональная надстройка редуцируется к внеразумной основе: воле к жизни и воле к власти.

На таком широком историческом фоне Сёрен Кьеркегор предстает в интерпретации Доброхотова философом-классиком, оказавшимся в неклассической ситуации абсурда. Найти смысл существования и восстановить разорванную связь между индивидуальным и всеобщим можно через веру, которая принимает облик сугубо индивидуального и трагического, абсурдного с точки зрения общества действия, такого, как жертвоприношение Авраама, как отказ самого Кьеркегора от женитьбы на Регине Ольсен. Индивидуальный выбор становится ключевой точкой и для экзистенциализма XX в., но отношения между индивидом и универсальными структурами становятся еще более напряженными, поскольку универсальность в XX в. слишком часто оказывается враждебной человеку и несовместимой с его свободой.

Эта тема получает развитие в докладе **Н.Б. Маньковской** (гл.н.с. ИФ РАН, д.ф.н.) *«От Камю до Уэльбека и далее»*. Здесь основными действующими лицами являются не философы, а, скорее, персонажи художественных произведений. «Роман — это философия, заключенная в образ», — справедливо утверждает Маньковская. Герои А. Камю действуют в трагических пограничных ситуациях, в атмосфере абсурда, бытия-к-смерти, несут бремя ответственности за сделанный выбор. Как писатель Камю сильно повлиял на Ионеско, Д'Арто, Беккета, Уэльбека. С точки зрения докладчика, эта последовательность имен позволяет выявить важные тенденции: распад причинно-следственных связей в мире, где существуют герои Ионеско и Беккета, постмодернистское ветвление сюжетов у Уэльбека. В эту тенденцию встраивается и сущение пессимизма и апокалиптических настроений в последних фильмах Алексея Балабанова. Но если Уэльбек еще оставляет своим героям какую-то возможность выбора, хотя бы продуктов и услуг, и более глубоко — эвтаназии и отшельничества (роман «Карта и территория»), то в фильме-притче недавно скончавшегося Балабанова «Я тоже хочу» выбор отдается «колокольне счастья», т.е. Богу, который отделяет оводов от козлиц и из всех персонажей осчастлививает только музыканта и блудницу.

В отношении Мишеля Уэльбека Н.Б. Маньковская делает спорное, на мой взгляд, утверждение, что для выражения ситуации выбора французский писатель прибегает не к художественным символам, а к симулякрам. «Сама проблематика выбора при этом банализируется, тривиализируется, драматический градус переживания резко снижается почти до нуля». У самих героев зачастую — да. Но отнюдь не у писателя и читателя. В качестве контрпримера позволю себе привести знаменитую сцену из романа «Элементарные частицы», когда братья стоят у постели только что скончавшейся матери, а по ее отрытому глазу ползает муха. Один во время агонии матери горланит дурацкую песню, другой отстраненно думает: кажется, умерла. Далее идет описание морфологии мухи, ее крылышек и рта. Герои безучастны, но эта сцена вызывает бурю эмоций у читателя. Такая реакция, безусловно, предполагается автором, потому что он сам переживал холодное бешенство и отчаяние, когда живописал своих персонажей.

Утверждение докладчика о том, что «символ, миф, симулякр, аватар (т.е. деперсонализированные над- и внеиндивидуальные структуры. — Н.С.) — это системообразующие ориентиры, характерные для трансформаций художественно-эстетической культуры последнего столетия» — правда, но не вся. Современные герои прячутся за аватарами, предпочитают переписку в сети живому общению, носят маски и не совершают героических поступков, но их безлюбое и тихое одиночество по-настоящему трагично и понятно читателю, а потому достойно не только философского разбора, но и живого сочувствия. Какие уж тут симулякры, когда так тяжело каждому второму?!

Следующий доклад «**Феноменология выбора: чем неудачен образ «витязя на распутье»?**», сделанный Н.М. Смирновой (вед.н.с. ИФ РАН, д.ф.н.), был одним из наиболее удачных по использованию теоретических инструментов феноменологии для препарирования ситуации выбора. Критикуя модель «витязя на распутье», который якобы делает беспредпосылочный и спонтанный выбор, Н.М. Смирнова показала богатый набор возможностей посмотреть на выбор с внутренней позиции выбирающего. Феноменология позволяет провести тонкий анализ структур допредикативного синтеза.

Во-первых, любое *восприятие* уже есть выбор, поскольку внимание направлено на интенциональный объект (в этом контексте докладчица упомянула скептика Карнеада, который говорил о разных степенях вероятности и достоверности восприятия для разных субъектов), Во-вторых, выбор субъекта детерминирован его биографией. «Мы опираемся на отложенный запас личных впечатлений и переживаний, и из множества возможных интерпретаций обсуждаются только те, что *практически релевантны*», — подчеркнула докладчица.

Очень важным вкладом феноменологии в философию является идея «*открытых возможностей*». Для внешнего наблюдателя во внеш-

нем времени все возможности равны и возобновимы. Но в сознании «Эго», во внутреннем времени значимы только «открытые возможности», поскольку нельзя вернуться в прошлое, есть биографический опыт удачного выбора и опыт неудач. При этом внутренний контекст принятия решения все время изменяется, сознание в процессе выбора постоянно колеблется, осуществляя *«прерывистый синтез»*.

Таким образом, феноменологически свобода понимается как «открытая возможность», а понятие рубежного, «экзистенциального выбора» оказывается размытым, поскольку мы выбираем постоянно, не всегда отдавая себе в этом отчет; видимый результат возникает в итоге длинной череды допредикативных синтетических актов. «Этот урок феноменологии нам еще предстоит освоить», — заключила свой доклад Н.М. Смирнова, даже не предполагая, насколько актуальным для всех участников конференции станет этот вывод буквально через месяц.

Доклад **И.А. Михайлова** (с.н.с. ИФ РАН, к.ф.н.) с броским названием *«Тварь ли я дрожащая или выбор имею?»* в большей степени, чем предыдущие, относился к реалиям наших дней, поскольку автор показал, как изменяется зона выбора и индивидуации под влиянием современных ИТ-технологий, как современное общество делает предсказуемым и управляемым поведение людей. Помочь расширить суживающуюся сферу выбора могут феноменологические методики, поскольку они позволяют показать: то, что мы принимаем за данность или неизбежность, таковой не является.

Собственно, выступление И.А. Михайлова давало шанс перейти к исследованию практического выбора в конкретных современных ситуациях, но последовавшее за ним обсуждение всех предыдущих докладов погасило эту возможность. Больше всего на вопросы зала пришлось отвечать А.Л. Доброхотову, чья оценка значения гаданий для процедуры выбора пришлась по душе не всем коллегам. Однако уважаемый профессор убедительно отстаивал мысль о том, что коммуникация с сакральной сферой — это не фатализм, а способ поддержать баланс между тем, что лежит за пределами выбора, и тем, что входит в сферу ответственности человека за свои решения и поступки.

Доклад **Е.В. Шульги** (вед.н.с. ИФ РАН, член-корреспондент Бразильской академии философии, д.ф.н.) *«Серен Кьеркегор и проблемы эпистемологии»* вернул обсуждение в спокойное академическое русло. Известный специалист по когнитивной герменевтике и философии сознания, она рассмотрела этапы эволюции человеческого сознания, разума, как их понимал Кьеркегор, одновременно как этапы *выбора*, реконструируя его позицию по широко известным работам, упоминая, впрочем, и не опубликованные на русском языке произведения. В качестве экзистенциально-эпистемологических категорий

Е.Н. Шульга называет употребляемые Кьеркегором понятия «мгновение» и «прыжок веры», близкие по содержанию к «инсайту», «мышление-страсть», которое удерживает экзистенцию и переходит от эстетической стадии, от поглощенности внешним объектом, к этической, где личное соприкасается с универсальным, где выбор происходит в категориях ответственности и долга. И, наконец, на религиозной стадии познания человек выбирает себя как грешного и раскаивающегося перед лицом Бога. Если вера абсолютна, т.е. не детерминирована ни разумом, ни историей или традицией, то она не соотносится с другими категориями и является абсурдной. Признание этого ее свойства делает Кьеркегора преемником апостольско-тертуллиановской традиции, провозгласившей принцип «Sola fide».

Доклад **В.М. Розина** (проф., вед.н.с. ИФ РАН, д.ф.н.) *«Проблематичность и процесс экзистенциального выбора в современных условиях»* в первый раз с начала конференции представил ситуацию выбора не по пересказам классических текстов, а на личном примере, что не привело к потере теоретичности, наоборот, добавило жизни и красок концептуальному каркасу.

С точки зрения Розина выбор невозможен без *«рационального просмотра будущего»*, без попытки мысленно поместить себя в будущее. По сути, мы ориентируемся не только на то, что происходит сейчас, для нас значимы достаточно отдаленные последствия принятых решений. И иллюстрацией к этому тезису послужил эпизод из жизни самого докладчика. В конце 1967 г. он должен был защищать кандидатскую диссертацию, но за несколько дней до защиты его настоятельно попросили исключить из работы все ссылки на Г.П. Щедровицкого, любимого учителя и философского кумира молодого диссертанта. Это была настоящая «экзистенциальная ситуация»: убрать ссылки — защититься, но прослыть трусом и предателем на всю жизнь, оставить — загубить защиту и карьеру. Защита была трудной, с минимальным перевесом диссертационный совет одобрил работу, но ВАК не утверждал ее три с половиной года! Этим рассказом докладчик продемонстрировал, что выбор нельзя рассматривать как выбор абстрактных возможностей, он всегда конкретен, личностен и затрагивает именно твою жизнь. Но в той ситуации силы сделать непростой выбор придавала возможность рационально проследить, как может разворачиваться ситуация.

Сегодня для нас сама реальность, само будущее совершенно загадочны, они постоянно деконструируются, их рациональный анализ невозможен, предсказания не срабатывают. Политики в своей риторике используют близкие к оксюморонам выражения типа «справедливое перераспределение» или «мирные способы борьбы». В.М. Розин констатирует, что сейчас наше общество находится в переломной точке, точке кризиса традиции. Поэтому старые объяснения не рабо-

тают, нужен новый дискурс, новая картина реальности. Конечно, это не уникальная ситуация, такое уже случалось. «Исповедь» Августина показывает, как происходит перестраивание картины реальности, когда сама реальность не дает опоры.

Направление рассуждений Розина продолжил П.С. Гуревич (зав. сектором истории антропологических учений ИФ РАН, д.ф.н., проф.). Его доклад *«Выбор в ситуации абсурда»* также изобилует узнаваемыми метками современной эпохи: республика с монархическими символами типа двуглавого орла или всевластие президента в номинально демократическом государстве. Соглашаясь с тем, что есть невыбираемые универсалии, есть не нами созданный мир, для кого-то есть «воля богов», переданная в пророчествах, и тому подобные обстоятельства непреодолимой силы, П.С. Гуревич настаивает, что «выбор есть всегда». Мы всегда на развилке между прекрасным и безобразным, между трансцендентным и имманентным, между собственной брэнностью и бессмертием плодов творчества. Даже современная абсурдная социальная ситуация не отменяет эту возможность, особенно для философа. «Сегодня абсурд стал опасным средством манипулирования общественным сознанием. Но выбор есть: мы можем сохранять собственную стоическую позицию, разоблачать абсурд», отбивать атаки министра образования(!) на философию.

Интуиция не подвела уважаемого Павла Семеновича, хотя в тот момент он вряд ли представлял себе силу будущих атак на все научное сообщество. В возникшей позднее дискуссии И.А. Михайлов назвал позицию Розина и Гуревича излишне пессимистичной и посчитал, что они слишком часто и немотивированно называют эту ситуацию абсурдной. Интересно, как оценит он два месяца спустя требование прокурора признать А. Навального и П. Офицерова виновными в том, в чем специалисты по уголовному праву не усматривают состава преступления, заключить их немедленно под стражу в зале суда, а вечером того же дня тот же прокурор будет ходатайствовать об их освобождении из-под стражи?!

А.В. Рубцов (вед.н.с., руководитель центра философских исследований идеологических процессов ИФ РАН, к.ф.н.), выступая на тему *«Выбор человека в культуре постмодерна»* сконцентрировался на понятии «проект», поскольку любой выбор можно рассматривать как *«вариативное проектирование»*. То, что зачастую называют «неосознанным выбором», — это предельный, вырожденный случай проектирования. И далее при рассмотрении проблемы выбора в семантическом поле проекта и проектирования докладчик сконцентрировался на обсуждении особенностей и классификации разных типов архитектурных проектов в эпоху постмодерна. Отметив, что «постмодерн возник на пафосе отрицания тотального проекта», докладчик выявил разные виды постмодерна, оппонирующие разным «модернам» — модерну

Нового времени, модерну начала XX в., модерну «тотальной проектности», связанному с именами Нимейера и Корбюзье, а в социальном плане представленному большевистской Россией и фашистской Германией.

Если рассмотреть интенсивность архитектурного проектирования на длительных исторических периодах, то видно, как она нарастает от первых поселений, организация которых выделяется на фоне дикой природы, к городам, сочетающим планировочный «скелет» со спонтанным «мясом» отдельных построек, до современной тотальной проектности, где заранее планируется все — от дверной ручки до города в целом. На первый взгляд, это хорошо, но парадокс заключается в том, что «что-то воспринимается как организация только на фоне хаоса, а тотальный архитектурный проект убивает все живое». Ситуация усугубляется тем, что архитектура всегда навязывается людям, ее нельзя «выключить», от нее нельзя убежать.

В эпоху тотальной проектности нарастает постмодернистское сопротивление, множатся попытки «смоделировать спонтанность». Человек постмодерна часто играет с судьбой, отказываясь от возможностей, которые она предлагает, пытается менять жизненные векторы, а не идти к одной намеченной цели. Выбор, сделанный за человека заранее, пусть даже высокими профессионалами из лучших побуждений, воспринимается как угроза свободе.

Эту же мысль поддержала в последовавшей дискуссии **Елена Намли** (зав.кафедрой этики теологического факультета университета Упсалы, Швеция). Она подчеркнула, что универсальная стратегия власти — сказать, что «у человека нет выбора». Печальный пример: лютеранские теологи, разделяющие идею Божественного предопределения, на практике часто принимали сторону Гитлера. Задача философа, который, конечно, не создает физически возможности выбора, показать, проинтерпретировать уже существующие возможности, вытащить их на свет и таким образом противостоять установке «нет выбора, нет выхода».

Профессор Санкт-Петербургского университета **М.М. Шахнович** также солидаризировалась с идеей, что выбор есть всегда, но нельзя говорить о выборе без ответственности и не допуская свободу воли.

Поясняя идею своего доклада, В.М. Розин подчеркнул, что сегодня от человека, который пытается противостоять внешнему давлению и сохранять свои экзистенциальные ценности, требуются сложные стратегии и трудные решения, он не должен обманываться, например, выборами, которые не дают возможности выбирать. Таким образом, на одном полюсе социальные институты снимают с нас проблему выбора, а на другом сам человек должен сделать очень жесткий выбор и противостоять ситуации.

Следующие четыре выступления были объединены рефлексией христианской культуры и ее возможностей для выбора веры, духовника, ухода от реальности.

Доклад **М.С. Киселевой** (зав. сектором методологии междисциплинарных исследований человека ИФ РАН, проф., д.ф.н.) **«Концепт выбора в христианской и постхристианской культурах»** развернул культурно-историческую эволюцию возможных отношений к выбору как эволюцию христианской традиции. Согласно ей, человеческая история начинается с О-слушания (грехопадение Адама и Евы), вторым возможным модусом является По-слушание, при этом возможные последствия личного выбора не осознаются человеком до конца. В Новозаветной традиции «выбор воплощает действие всех трех Божественных ипостасей, причем Христос осознанно принимает его — только так возможна жертва, которой должен следовать христианин». Таким образом, Христос, выбирая По-слушание и соглашаясь с ролью невинной жертвы, делает это свободно и добровольно. На добровольность добродетели обращает внимание Григорий Нисский.

Реформация приносит с собой ужесточение моральных принципов, перенаправление энергии в области политики и экономики и усиление ответственности за свои деяния непосредственно перед Богом.

Ницшеанская философия и разрушительные практики XX в. дали новый тип постхристианской культуры. Выбор становится *публичным*, он *культивируется* и *навязывается*. Сегодня функциональность пришла на смену субстанциальности, и это сказывается на характере выбора, который все реже осуществляется в ценностно значимых контекстах.

М.М. Шахнович (зав. кафедрой СПбГУ, проф., д.ф.н.) в докладе **«Религиозный эскапизм как экзистенциальный выбор»** рассматривает различные варианты ухода от реальной жизни: в философию, в гедонистические сообщества типа эпикурейского, в миры, придуманные художественной фантазией (мир Толкиена). Она отмечает структурное сходство христианских и античных сообществ, статус которых в глазах их членов оказывается гораздо выше статуса обычной жизни.

Ее коллега, **Т.В. Чумакова** (профессор СПбГУ, д.ф.н.) продолжает исследование проблемы докладом **«"Выбор веры" в современной России: реальность или симулякр»**. Начало перестройки (90-е гг.) было ознаменовано массовым крещением, в том числе интеллигенции. Это было реализацией открывшихся возможностей личного выбора без политической составляющей. Новые правящие элиты тоже оказались в ситуации «выбора веры», но их демонстрация своей воцерковленности имела иную — политическую — причину. Возведение новых церквей при участии крупных чиновников, канонизация почитаемых в народе и одновременно лояльных к власти святых (целительница Матрона Московская), пропаганда идеи «святости русского языка», культ Ан-

дрея Первозванного – эти и многие другие элементы картины новой реальности работают на создание позитивного образа власти, на развитие культа прежних правителей (например, Александра Невского), на смягчение образа Ивана Грозного и Сталина. Использование авторитета церкви для того, чтобы исключить рефлексивное отношение к текущим и прошлым историческим событиям, формирует ситуацию «выбора нет», потому что выбор как раз требует критического мышления.

Иную, *внутреннюю* точку зрения на соотношение веры, свободы и выбора защищал **М.Л. Хижий** (доцент Владимирского госуниверситета, к.ф.н.). В докладе *«Проблема выбора духовного руководителя в православной традиции»* была представлена не публичная церковная политика, а интимная проблема выбора наставника. В этой области существует *«обратная иерархия»*, когда иерарх церкви подчиняется своему духовнику, который может быть простым монахом. Главный парадокс христианской веры заключается в том, что свобода реализуется через умаление свободы, через смирение и послушание, через устранение собственного рассудка и передачу дела спасения в руки старца, *свободно* выбранного в духовные водители. При этом испытанию подвергается не только ведомый, но и сам духовник. Еще в середине XIX в. вопрос «Есть ли сегодня такие духоносные мужи в Оптиной пустыни?» не имел положительного ответа для известного православного подвижника и мыслителя о. Игнатия Брянчанинова. Но труды Святых Отцов доступны всем, поэтому поиск духовного водительства может быть обращен к их текстам.

Второй день конференции явил более пеструю картину докладов. Некоторые из них были сделаны менеджерами, медиками и психологами, что позволило взглянуть на проблему выбора в другом ракурсе и наметить векторы возможного междисциплинарного синтеза.

В пространном выступлении **Б.Г. Юдина** (зав. отделом комплексных проблем изучения человека ИФ РАН, член-корр. РАН, д.ф.н.) *«Выбор, свобода и развитие человека»* внимание было обращено на две альтернативные тенденции, определяющие ситуации выбора в современном обществе. С одной стороны, «пространство открытого выбора стало шире» прежде всего благодаря научно-техническому прогрессу. Современные технологии позволяют делать выбор там, где раньше его не было, будущее становится более альтернативным. С другой стороны, эти же технологии могут применяться для манипуляций личным и общественным выбором, и противостоять этому очень непросто. Политика современного российского государства не способствует разворачиванию новых возможностей выбора, затрудняет модернизацию. Президент и правительство, несмотря на всю риторику, зачастую выступают агентами *архаизации* общества, что чревато социальными взрывами и классовой конфронтацией. Вывод был вполне револю-

ционным: «Свобода и выбор не даруются, а берутся самостоятельно действующими агентами». Но многие детали — как реализовывать процедуры совещательной демократии, как защищать выбор от своего лица в реальных ситуациях — остались непроясненными.

Довольно пессимистичным был взгляд на эту же проблему **Ф.Г. Майленовой** (вед.н.с. ИФ РАН, д.ф.н.), изложенный в докладе *«Возможен ли свободный выбор судьбы в ситуации психической и социальной обусловленности?»* Согласившись с мыслью Б.Г. Юдина о том, что внешне мы сегодня можем выбрать гораздо больше, чем раньше, включая страну, климат, образование, она показала, что те социальные лифты, которые раньше позволяли способной молодежи реализовывать таланты и подниматься вверх, сегодня не работают в силу огромного социального расслоения. Социальные возможности выбора в России для широких слоев населения де-факто сужаются.

Мысль о бесконечной пластичности человеческой природы, которую внушает реклама психологических тренингов, также лукава. Психолог может помочь найти себя, но не радикально изменить. В момент важного выбора срабатывает интуиция, а объяснение его причин — это позднейшая рационализация. Существует глубинная внутренняя предопределенность в выборе судьбы.

Сравнение возможностей выбора в области природной и социокультурной детерминации с использованием категорий синергетики легло в основу доклада **Е.И. Ярославцевой** (с.н.с. ИФ РАН, к.ф.н.) *«Есть ли смысл выбирать? Онтологическая подсказка для выбора»*. В «животной природе человека онтологически заложена возможность выбора через *механизм обратной связи*». Это не требует рефлексии. На социокультурном уровне возможно преодоление изначальных границ, выход в непредсказуемость, в свободу, перераспределение ресурсов в пользу новой цели, которая выступает *«странным аттрактором»*. С появлением Интернета вариативность расширяется, поскольку его поле «заточено под выбор».

Подробнее модификации выбора под влиянием Интернета были представлены **С.М. Малковым** (м.н.с. ИФ РАН), **Г.Б. Степановой** (с.н.с. ИФ РАН, к.псих.н.) и **Д.А. Бесковой** (с.н.с. НЦ Психического здоровья РАМН). Последствия внедрения новых электронных технологий были оценены ими весьма разноречиво. Доклад Малкова систематизировал потенциально опасные для сохранения индивидуальной свободы и приватности тенденции развития: это возможность социального контроля и экономических ограничений при использовании электронных денег, контроль выплат зарплат, пенсий, пособий и бонусов, контроль налоговых отчислений посредством обязательной установки платежных терминалов во всех торговых точках, включая рынки, возможность отслеживать местонахождение автомобиля или человека через видеорегистратор и мобильный телефон, сня-

тие электронной информации с компьютеров пользователей без их ведома. Это — признаки постчеловеческого будущего, и от субъекта требуются особые усилия по сохранению своего достоинства и свободы в новой ситуации.

Гораздо более позитивно оценила роль Интернета **Г.Б. Степанова**. Призывая не демонизировать этот новый феномен культуры, она отметила, что 75% населения России ежедневно пользуются Интернетом для досуга, образования, работы. Безусловной спецификой этого нового «пространства» является индивидуальный выбор электронных ресурсов на всех уровнях: на уровне товаров и услуг (простой выбор), на уровне смысловом и на личностном (экзистенциальном) уровне, как у фрилансеров и профессиональных блогеров, «живущих в сети».

Личностный выбор проявляет два типа людей: одни склонны к ориентации на будущее, активны, толерантны к неопределенности, поскольку формировались в среде, потенциально богатой возможностями. Они способны креативно относиться к своей жизни и считают Интернет местом индивидуального развития. Среди респондентов обследования, проведенного в Санкт-Петербурге, таких 52%. Гораздо более критично к Интернету относятся те, кто ценит стабильность и неизменность, контроль и безопасность, кто склонен занимать пассивную позицию и видит опасность в потенциальной многовариантности.

Пожалуй, наиболее систематично и развернуто изложила свою позицию по вопросу выбора в Интернете психолог **Д.А. Бескова**, выбрав для анализа так называемый «*обыденный* выбор» (по терминологии Г.Б. Степановой, «*простой* выбор»), касающийся встроенных в ежедневную жизнь альтернатив и предпочтений, которые не рассматриваются самим субъектом как значимые и не затрагивают существенные свойства его личности, например, что съесть на завтрак или надеть на прогулку. Такие обыденные поступки «не переживаются субъектом как значимые волевые акты» и часто осуществляются спонтанно, без глубокого или вообще без осознания, в условиях размытого спектра альтернатив. Будучи перенесенным в Интернет, обыденный выбор (неважно, потребительский, коммуникативный или информационный) начинает гораздо больше зависеть от контекста, от свойств виртуального пространства. Виртуальное пространство характеризуется анонимностью, невидимостью, физической непредставленностью субъекта коммуникации или выбираемого товара (услуги). Выбирая в Интернете, человек выбирает не объект, а образ, симуляцию.

В Интернете спектр альтернатив и параметров обыденного выбора практически бесконечен, поэтому, чтобы сделать выбор, субъект должен сначала прекратить поиск, ограничить контекст, что делает систему принятия решения двухступенчатой. Неустраняемая неполно-

та основания для выбора приводит к его фрагментарности, мозаичности. Сам субъект в интернет-пространстве также обезличен и симулятивен, что дает ему возможность чувствовать себя свободным от условностей и социальных ограничений, собирать информацию, не прибегая к прямой коммуникации, экономить время и физические затраты, у него «появляется возможность совершить существенно большее число выборов за меньшее время».

Все это обуславливает парадокс сосуществования двух рядоположенных психологических феноменов: «обесценивания обыденного выбора и возрастания личной ответственности за его эффективность». Совокупность этих черт не позволяет, с точки зрения Бесковой, редуцировать обыденный выбор в Интернете к привычным формам и требует признать его *новообразованием* с принципиально иной структурой.

Нейрофизиологические механизмы, которые обеспечивают принятие решения при наличии двух вариантов, стали темой выступления **Е.Д. Казимировой** (менеджер отдела перспективных технологий ЗАО «Лаборатория Касперского»). Из красочной презентации можно было вычленить следующую схему: при выборе между двумя возможностями (например, съесть мандарин или пирожное) возбуждение передается по двум конкурирующим нейронным цепям в мозг, и если пороговый уровень возбуждения будет раньше превышен в цепи, «отвечающей» за восприятие мандарина, выбор падет на мандарин, если «отвечающей» за пирожное, — на пирожное. При таком объяснении кажется, что «нейроны все решают за нас», однако человек может влиять на свой собственный выбор через формирование культурно обусловленных ассоциативных рядов, через управление своими эмоциями, стараясь принять решение рационально или, наоборот, доверяясь интуиции, которая срабатывает значительно быстрее. Общій вывод: «Культура изменяет структуру самих нейронных потоков», поэтому можно изменять выбор за счет образования, инвестиций в культуру и тому подобных социально обусловленных действий.

Можно согласиться с выступавшей, что сама идея перекодирования субъективных мотивов выбора и культурного влияния в нейрофизиологические процессы и обратно имеет смысл, корректное решение этой задачи означает тот самый желанный междисциплинарный синтез, но предложенные соображения были слишком приблизительны и поверхностны, чтобы действительно решить эту сложнейшую задачу.

Более профессиональным и драматичным оказался доклад **А.Ю. Брезанцева** (психиатр, профессор первого МГМУ им. И.М. Сеченова, д.мед.н.) «*Проблемы выбора в общей и судебной психиатрии*». С точки зрения специалистов, психиатрия является наиболее философичной и гуманизированной из всех медицинских дисциплин, имеет много точек соприкосновения с философией, прежде всего по проблеме

сознания, а философия психиатрии рассматривается в западной литературе как поистине революционное достижение наряду с развитием нейронаук и внедрением в практику пациент-центрированной модели оказания медицинских услуг. В этом году начинается второе столетие ее существования (отсчет ведется от выхода фундаментального труда Карла Ясперса «Общая психопатология»), но ее наиболее быстрое развитие пришлось на последние 20 лет. Это период также и ее наиболее драматичного развития, так как в *общей психиатрической практике* приоритет выбора сегодня принадлежит пациенту, он вправе отказаться от назначений, от госпитализации, правовые акты жестко регламентируют условия недобровольного лечения, а вот в *судебной психиатрии* права и свободы пациента никого не интересуют, в уголовном судопроизводстве право на выбор у пациента резко ограничено. Экспертизы психического состояния преступника проводятся принудительно по решению суда, и последующее лечение, если будут основания, также осуществляется принудительно. «Парадокс принудительного психиатрического лечения в том, что этот терапевтический альянс заключается без согласия пациента», его мнение не имеет никакого правового значения, но это приходит в противоречие с принципами биоэтики, в том числе с правилом информированного согласия и с принципом сотрудничества. Свобода и возможности выбора у психиатра, который должен установить истину, тоже ограничены жесткими рамками регламента судопроизводства.

Т.В. Зборовская (аспирантка Института языкознания РАН) сосредоточилась на проблеме языкового выражения нестандартной гендерной идентичности. По преимуществу, речь шла о людях, сменивших пол или пытающихся добиться разрешения на это. Ясно, что это очень немногочисленная группа. Каким образом она определяется в общественном пространстве? В России — обычно через дискриминацию, стигматизацию, боязнь публичности и тому подобные негативные реакции. Еще недавно о таком выборе нельзя было и помыслить. Сегодня высокие медицинские технологии позволяют проводить операции по смене пола. Но решив одну проблему, такой человек сталкивается с другой — строением языка, на котором он общается и самовыражается. Язык создает серьезные трудности для самовыражения трансгендеров и коммуникации с ними, затрудняет задачу сделать нестандартную идентичность публичной. Наличие родовых окончаний и устойчивый для данного языка словарь гендерных ассоциаций заставляет обращаться к таким людям в мужском или женском роде, при том, что сам субъект не может до конца идентифицировать себя ни с одним из двух полов и не чувствует себя комфортно ни в одном образе. Докладчица приводила интересные примеры выбора языковых средств, которые позволяют умолчать о своей половой принадлежности, и различных языковых реакций на одну и ту же ситуацию у цис- и трансгендерных респондентов.

Каков выход из этой ситуации? Создание гендерно нейтрального языка наподобие нейтрального физикалистского, как в свое время предлагали неопозитивисты? А может, не бороться с языком, а бороться с гомофобами? Т.В. Зборовская, много сил положившая на сбор статистического материала, установление контактов с транс-гендерами и помощь своим подопечным, склонялась ко второму варианту. Но ситуация меняется с каждым днем, и сегодня кажется, что легче изменить могучий русский язык, чем рост гомофобных настроений, поддержанный последними законодательными инициативами Думы.

Последний прозвучавший доклад **И.Ф. Михайлова** (н.с. ИФ РАН, к.ф.н.) «*Выбор как интенциональный акт*» монтировался, скорее, с докладами первого дня, поскольку не имел отношения к различным ситуациям выбора, а рассматривал возможности языка интенциональных предикатов для описания сложных ситуаций, к которым относятся ситуации выбора.

Подводя итог, можно сказать, что хороших идей, тонких различий, свежих интерпретаций классических текстов и известных исторических событий было достаточно. Но никто из докладчиков, за исключением В.М. Розина, отчасти Т.В. Зборовской, не перевел разговор в плоскость конкретного выбора *реальных* людей, никто не сделал попытки провести заточенным скальпелем философской рефлексии по живой плоти *актуального события*. Конечно, не дело философа пробавляться комментариями к газетным заголовкам, но Кьеркегор и Камю, которым была посвящена конференция, отвечали на вызовы своего времени поступками, вытекавшими из их философских убеждений, и дорого за это платили. Странно, что такое принципиальное обстоятельство почти не отразилось на содержании докладов, прочитанных в их честь.

Да и «трансформирующееся общество», обозначенное в названии конференции, упоминалось часто, но в большинстве случаев достаточно общенно и формально. А в это время за окнами Института философии сгорала припозднившаяся весна и превращалась в лето с пугающей скоростью. Через десять дней в Интернете выложат подлинные варианты будущего ЕГЭ. Наши дети окажутся перед жестким экзистенциальным выбором: заранее подготовить правильные ответы или проиграть; подталкивать к одному или другому варианту их будет та самая череда актов «допредикативного синтеза», о которых рассуждала Н.М. Смирнова, но о которых выпускники даже не догадываются. Еще через месяц РАН накроет лавина реформирования и каждый академик столкнется с дилеммой: принять с благодарностью пожизненную выплату в сто тысяч рублей и бросить российскую науку на бюрократический произвол или потерять все гарантии, кроме своего честного имени. А общество будет делать свои выводы о том,

какие внутренние возможности академиков и член-корреспондентов еще «открыты для выбора». И даже тот, кто попытается избежать этой дилеммы, тем самым тоже сделает свой выбор.

То, что давно поняли экзистенциалисты, своими словами подытожит Г. Чхартишвили: «Качество человека определяется тем, какой выбор он делает в трудной ситуации. И больше ничем. Все остальное — декорация».

Так сама жизнь тяжелой поступью Командора взойдет на трибуну и зачитает доклад, которого остро недоставало на спокойной научной конференции. Она покажет, что даже во внешне благополучном профессиональном сообществе экзистенциальный выбор «онтологически неизбежен», что это не архивный материал, а наш сегодняшний общий удел, что поступок может быть философским аргументом и что философия мертва без поступков.

И тут уместно вспомнить о различии констатирующих и перформативных высказываний. В качестве примера перформативного высказывания обычно приводят слова «Я клянусь...», которые не просто описывают некий процесс, но сами являются обозначенным ими действием. Является ли по аналогии с угрозой, обещанием или клятвой высказывание «*Я выбираю свободу*» выбором свободы? Формально — нет, так как неясно, какое конкретное действие, какой ритуал (как в случае с клятвой) обеспечивает этот выбор. Тем не менее, наша профессиональная интуиция и житейский здравый смысл подсказывают, что в экзистенциальных ситуациях слово может стать делом, а высказывание, если оно *искреннее*, неизбежно влечет за собой соответствующий поступок. (Собственно, именно по критериям действительности и искренности, в противовес истинности, Джон Остин и выделял перформативные высказывания.)

Отсюда вывод: рассуждения о выборе неполны, если мы пытаемся остановиться в границах теоретических абстракций и не обращаемся к перформативному потенциалу собственных высказываний. В экзистенциальной философии только тот, кто оплачивает свою теоретическую позицию поступком, меняющим личную судьбу, достоин, чтобы к его философским размышлениям отнеслись всерьез. Как к Сократу. Как к Кьеркегору и Ницше. Как к Камю и...